

Дрейтон был безнадежно болен.

Доказательство состояло хотя бы в том, что на рассвете он должен был связаться с заместителем, но напрочь забыл об этом — потому что весь вечер напролёт он сидел напротив Ли Вэя, и они так долго ужинали вместе, что когда утром Дрейтон попытался вспомнить, о чём они вообще говорили, ему показалось: ничего полезного он так и не сказал.

А ведь он должен был расспросить Ли Вэя о ранах и самочувствии, поговорить о нефтяном магнате, о чёрном песке и о Судье, на которого почему-то всем было наплевать, а в крайнем случае мог бы хотя бы осторожно выведать, как Ли Вэй относится к АЗ.

Но что он сделал вместо этого?

«...Честно говоря, мне кажется, работа уборщика мест преступления довольно интересная и свободная. В подростковом возрасте я бы точно ей восхищался. До выпуска из университета я вообще не думал о политике».

— А кем ты тогда собирался стать? — спросил Ли Вэй, разрезая ножом стейк. — Учёным?

Дрейтон покачал головой:

— Ты слишком высоко меня оцениваешь. В школе я хотел стать театральным актёром. Не то чтобы мне нравилась игра, но однажды ко мне подошёл человек, назвавшийся агентом с Бродвея, и пригласил на пробы. Я тогда всерьёз ему поверил и ещё какое-то время был уверен, что у меня в этом редкий талант.

— О, я знаю эту схему! — заинтересованно вскинул голову Ли Вэй. — Это когда тебя сначала фотографируют со всех сторон, расхваливают твой потенциал, а потом говорят, что за небольшую сумму продвинул твою кандидатуру куда надо?

— Именно. Примитивнейший развод, правда? Но в средней школе я был законченным идиотом и отдал несколько тысяч федералов, прежде чем до меня дошло, что происходит.

Опустив глаза, Дрейтон встал, чтобы налить Ли Вэю ещё вина. Пламя свечей дрогнуло и качнулось в такт его движению.

— Моя мать была женщиной нервной и держала меня под плотным колпаком. Боюсь, ты теперь будешь надо мной смеяться, но до одиннадцати лет я при каждом поцелуе в кино закрывал себе глаза.

Но Ли Вэй не улыбнулся.

Он подпёр подбородок рукой и не мигая, с предельной сосредоточенностью смотрел на него, будто слушал не смущающие школьные истории, а важнейшую речь в Конгрессе.

Впрочем, зная Ли Вэя, Дрейтон был уверен: даже президента тот не слушал бы с таким вниманием.

В его глазах ясно отражался он сам.

Сев обратно, Дрейтон отпил немного вина и в той странной смеси пряной остроты, лёгкого головокружения и кипящей крови спросил:

— Ты тоже сталкивался с такими аферистами? Я-то думал, что после моей жалобы полиция их быстро прикрыла.

Ли Вэй по-прежнему молчал, и это молчание рождало в Дрейтоне всё новые неловкие порывы.

Каждую секунду ему казалось, что он только что сморозил очередную глупость. Он уже не понимал, что говорит. Каждое следующее слово было нелепее предыдущего.

«...Пожалуйста, забудь всё, что я только что сказал, господин Ли Вэй», — думал он.

— Я сегодня вечером как-то не в себе, — вслух произнёс он. — Я не хотел выглядеть идиотом...

Конечно нет. Кто бы хотел?

— И не пытаюсь судорожно привлечь твоё внимание...

Нет, Уильям, это лучше было не произносить.

— Но, когда ты так на меня смотришь, я вообще перестаю понимать, что говорить.

Невероятно глупо. Уильям Дрейтон, невероятно глупо.

— Не смотри на меня, пожалуйста.

Он протянул руку и закрыл Ли Вэю глаза ладонью.

Когда тот уже собирался что-то спросить, Дрейтон снова встал и, под тем углом, где на него больше не смотрели, наклонился и поцеловал его.

«...»

Я могу заткнуться только тогда, когда целую его.

К утру Дрейтон с отчаянием осознал именно это.

* * *

— Твой образ не выходит у меня из головы, заполняет все мысли~ Мне нужна только твоя любовь~ Я люблю тебя сильнее, чем сам мог бы представить~ Ла-ла-ла-ла~ Хочешь ли ты остаться~...

Утром Ли Вэй, тихо напевая навязчивую попсовую песенку, вплыл в ванную.

Он пел один из тех хитов, которые когда-то попали в сотню лучших песен по версии Rolling Stone. Слова и мотив были банальны до смешного, но цепляли намертво:

— Хочешь ли ты остаться~ Почему бы тебе не лечь рядом~ Навсегда, навсегда, навсегда, навсегда быть вместе~...

Допев куплет, Ли Вэй повернул голову. В зеркале на него смотрел молодой человек с яркими глазами и улыбкой, как у человека, который почти физически чувствует приближение чего-то хорошего.

Неужели он и правда так счастлив?

Песня на секунду оборвалась.

Да. Правда счастлив.

В следующую же секунду он собрал лицо, поднял стакан для зубной щётки забинтованной рукой, как микрофон, и завёл новую песню:

— Все знают, как ты прекрасен, все, кроме тебя... Милый, только ты способен озарить мой мир, и, когда ты отбрасываешь со лба волосы, у меня кружится голова, но, видя твою опущенную улыбку, я понимаю — ты и не подозреваешь, насколько красив...

Щёлк.

Закончив умываться, Ли Вэй вышел из ванной и сфотографировал Дрейтона крупным планом.

— Ты и не подозреваешь, насколько ты красив~, — здесь он самовольничал и подменял слова, — если бы только ты увидел себя моими глазами, то понял бы, почему я так отчаянно тебя люблю. Я правда не могу поверить — ты не знаешь, насколько ты красив!

— Гав-гав! — подпевал на фоне Тоб.

Ли Вэй, кружась в такт мелодии, сорвал со стола искусственный цветок, поднёс его к носу Дрейтона, а другой рукой сделал ещё один снимок. После этого спросил:

— Дорогой начальник, я могу выложить фото, где тебя не видно в лицо, к себе в инстаграм? Если друзья спросят, я всё равно не скажу, кто ты.

Музыка на фоне оборвалась.

Под золотым утренним светом Дрейтон медленно поднял голову. Разум ускользал у него с каждым шагом Ли Вэя, но на лице при этом застыла почти та же улыбка, что и накануне, когда он поцеловал его: сдержанная и всё же предательски мягкая.

— Как хочешь, — без колебаний ответил он.

— Спасибо, — Ли Вэй отложил цветок, подцепил его руку и поцеловал тыльную сторону ладони. — А я пойду выясню, что нам есть дальше.

Дрейтон не сводил с него глаз, пока Ли Вэй шёл в гостиную люкса. Тот всё ещё напевал:

— Милый, только ты способен озарить мой мир...

А потом Дрейтон сам тихо, почти не веря, подхватил:

— ...Когда ты отбрасываешь волосы, у меня кружится голова, но в тот момент, когда ты опускаешь глаза и улыбаешься, я вижу — ты и не подозреваешь, насколько красив... Вот почему ты так прекрасен.

Перед его внутренним взором всплыла сцена: Ли Вэй, прижимая к себе Тоба, вылезает из кровати и откидывает волосы со лба.

— Ты уже выложил? — спросил он чуть громче.

— Да, — отозвался Ли Вэй. — Можешь зайти и проверить, вдруг что-то захочешь исправить.

Он не сомневался, что Дрейтон уже давно вычислил все его личные аккаунты в соцсетях.

И действительно, вычислил — но до деталей так и не докопался. В досье это проходило сухой отметкой: «проверено, нарушений не обнаружено».

Дрейтон достал телефон, скачал приложение, которым раньше никогда не пользовался, зарегистрировался, поставил ник W_D и принялся продираться сквозь бесконечный поток незнакомых постов в поисках профиля Ли Вэя.

Как многие федералы, не скрывающие в интернете настоящее имя, Ли Вэй назвал аккаунт просто: LIWEI.

Постил он нечасто, но и надолго не пропадал: иногда через пару дней, иногда через две недели, но в профиле обязательно появлялось то фото с подписью, то короткое видео. Самые ранние записи уходили ещё во времена университета.

На одной фотографии Ли Вэй был с несколькими однокурсниками. На нём — рубашка, джемпер, джинсы, а сам он перед камерой выглядел почти застенчивым, настолько, что не верилось, что это тот же человек.

Дрейтон первым делом поставил лайк под этой фотографией.

Он давно чувствовал: у Ли Вэя защитное поведение слишком часто принимает форму нарочитого самоунижения и вынужденной раскованности.

Сейчас же, листая старые записи, он видел совсем другого Ли Вэя.

После университетского периода в профиле долго не появлялось ничего нового. Затем, в 2023 году, там всплыла старая фотография, где Ли Вэй был вместе со своей матерью, Ли Цюшань. Подпись под фото была короткой:

«Поминки».

Что это была за дата?

День смерти родителей Ли Вэя ведь не приходился на этот день.

Дрейтон внимательно посмотрел на фотографию и запомнил число.

Потом пошли кадры уже более поздней жизни: размытые снимки с мест работы — Ли Вэй стал уборщиком мест преступлений; вылазки в бары с друзьями — Мэй, разумеется, появлялась почти на каждом; редкие походы в другие места развлечений; или прогулки по красивым природным местам в одиночку.

В целом у Ли Вэя явно была и потребность фиксировать свою жизнь, и желание делиться ей. Потому нынешнее утреннее желание выложить фото Дрейтона не выглядело неожиданным.

Необычным было другое: это было первое по-настоящему личное фото в его аккаунте.

За полчаса прокрутки Дрейтон не нашёл ни одного снимка, на котором главным объектом был бы какой-то конкретный человек.

Даже в постах про встречи с друзьями в кадре чаще оказывались бокалы, интерьер бара или свет улиц.

А вот сегодняшняя фотография — она была совсем иной.

Дрейтон сидел на краю кровати, снятый сверху и очень близко. В кадр попали подбородок, верхняя часть тела в халате и длинные пальцы, спокойно лежащие на одеяле.

Без подписи.

Без имени.

Но в ней было столько невысказанной близости, что пояснения были уже не нужны.

И первым эту фотографию лайкнул аккаунт Дрейтона.

Потом он убрал телефон, пошёл переодеваться, умываться, кормить Тоба и завтракать.

За завтраком они говорили о работе — вяло и без интереса. Днём работа продолжилась, Ли Вэй ушёл искать следы чёрного песка, а Дрейтон остался в кофейне при отеле, сидел с планшетом и разбирал электронную почту.

Во время работы он слушал музыку в наушниках.

Песня пела:

«Он весь день греет меня своим теплом и улыбается мне. Могу ли я сказать ему “я люблю тебя”? Как бы я хотел знать наверняка, что вообще должен говорить.

То, что я чувствую, — это любовь? Такая сильная, такая глубокая, такая настоящая.

Если я потеряю тебя, смогу ли я исцелиться?

То, что я чувствую, — это любовь?

Он спросил сам себя: то, что я чувствую, — это любовь?»

— Это точно не проклятие, — сказал он вслух.

Закрыв ноутбук, он, уже не скрываясь даже от самого себя, достал телефон, дописал в уже начатом сообщении последние слова и нажал отправить.

— Я тоже скучаю по тебе.

Получатель: Ларк Ли Вэй.

<http://bllate.org/book/17014/1724997>